

****Глава 7****

Странное поведение слуги озадачило Цинь Цзычу. Сложилось впечатление, будто тот нарочно привлекает к себе внимание, пытаясь вызвать подозрения.

Не подав виду, Цзычу мягко улыбнулся. Он шагнул к растерянному слуге, бережно помог ему подняться и участливо спросил:

— Ты не ушибся?

Беднягу затрясло крупной дрожью. Не смея проронить ни слова, он низко опустил голову, резко вырвался из рук князя и, грубо толкнув его, бросился к выходу.

Тут уж даже Чжао Цзи с матерью поняли, что дело неладно.

— Чего вы ждете?! — истошно завопила женщина, заслоня собой дочь. — Скрутите его, немедленно!

Дюжие слуги в мгновение ока повалили смутьяна на землю и прижали к полу. Но тот, на удивление, даже не пытался вырваться. Он обмяк, тяжело и хрипло дыша, будто в одночасье лишился воли к жизни.

Обе женщины, не привыкшие принимать решения в трудных ситуациях, растерянно переглянулись. Единственным мужчиной в усадьбе оставался Цзычу, и они невольно обратили к нему полные надежды взгляды, ожидая его решения.

Одарив их успокаивающей улыбкой, княжич примирительно произнес:

— Не бойтесь. Едва ли этот бедняга замышлял дурное. Будь иначе, он напал бы, а не бросился наутек при моем появлении. Да и посмотрите на него: у него едва ли достанет сил кому-то навредить.

Напряжение спало, однако недавняя радость от долгожданной встречи с матерью улетучилась без следа. Настроение было безнадежно испорчено, и продолжать праздную беседу никому уже не хотелось.

Цзычу перевел взгляд с Чжао Цзи на ее мать и после недолгого молчания мягко предложил:

— Раз уж чиновник Чжао охладил к вам, не согласитесь ли вы переехать в мою усадьбу, чтобы присмотреть за дочерью? Сами понимаете, я мужчина молодой и при всем старании могу упустить важные мелочи. Доверить Чжао Цзи чужим людям я попросту не решусь.

Лицо пожилой женщины залил густой румянец признательности. Она закивала, торопливо соглашаясь:

— Княжич столь добр к моей девочке! Сама я давно состарилась, и супруг позабыл о моем существовании. Раз вы не брезгуете моим обществом, я сию же минуту отправлюсь с вами. Окружу дочь заботой, чтобы дитя родилось крепким и здоровым.

Цзычу почтительно поклонился ей в знак благодарности:

— Премного благодарен вам, матушка.

Женщина поспешно отступила в сторону, смущенная таким почтением:

— Княжич, зовите меня просто Чжао Сун-ши. Я ведь женщина простая, чиновнику Чжао даже не законная супруга, а лишь наложница. В вашей усадьбе я стану прислуживать дочери как обычная нянька, чтобы не навлекать на вас лишних толков.

Снова поклонившись, княжич повернулся к распластанному на земле пленнику. Немного подумав, он жестом приказал слугам:

— Проводите госпожу к повозке и помогите собраться. Мне нужно поговорить с этим человеком наедине.

Охранники переглянулись и вместе со служанками принялись споро грузить скромные пожитки Чжао Сун-ши. Вскоре усадьба опустела.

Чжао Цзи с матерью бросили на прощание любопытные взгляды. Поймав мягкий, ободряющий взмах руки Цзычу, молодая женщина густо покраснела и послушно уселась в экипаж под присмотром служанки.

Опустел двор дома, который еще недавно казался обитаемым. В наступившей тишине Цзычу молча высился над распластанным на земле беглецом.

Пленник затаил дыхание, княжич тоже не торопился нарушать молчание.

После затянувшейся паузы мужчина тяжело, с надрывом вздохнул. Смирившись со своей участью, он медленно поднялся с колен и неторопливо отряхнул пыль со своего затрепанного, покрытого заплатами платья. Но стоило ему выпрямиться, как от бывлой рабской покорности не осталось и следа.

В его осанке и взгляде проступило такое величие, что принять его за забитого слугу теперь не смог бы даже слепец.

Незнакомец спокойно улыбнулся и вежливо сложил руки в приветствии:

— Мое имя — Чжан Ли. Некогда я служил советником у одного из воевод под началом самого господина Уаня, великого полководца Царства Цинь. Эх, воистину, от книжников в лихую годину мало проку... Во время битвы при Чанпине я отбился от войска и попал в плен к воинам

Царства Чжао. Чтобы спастись от неминуемой казни во время повальных обысков, мне пришлось назваться беглым крестьянином из Царства Вэй, который лишился земли, перейдя дорогу какому-то местному вельможе. Только этим враньем и уцелел.

Внимательно выслушав его, Цзычу спокойно спросил:

— Но если вы, господин Чжан, искали моей помощи, зачем разыгрывать это представление с побегом? У вас есть какая-то тайна?

В глазах Чжан Ли промелькнуло искреннее восхищение. Сделав пару быстрых шагов вперед, он тяжело опустился на колени и трижды коснулся лбом земли:

— Прошу вас, княжич, уезжайте! Вам нужно как можно скорее вернуться на родину!

Эти слова прозвучали столь внезапно, что Цзычу невольно растерялся.

Разумеется, он и сам грезил о возвращении в Цинь. Однако бежать из вражеского царства, проделать огромный путь и проскочить мимо стражников, стерегущих ворота Ханьдани, в одиночку было непосильной задачей.

— К чему такая спешка? — нахмурился княжич. — Говорите прямо, я слушаю.

Чжан Ли снова трижды коснулся лбом земли.

— После Битвы при Чанпине, когда по приказу господина Уаня были безжалостно казнены четыреста тысяч пленных воинов Царства Чжао, здешний люд возненавидел нашего полководца лютой ненавистью. Будучи обученным грамоте, я рассудил, что самое опасное место — оно же и самое безопасное. Сменив имя, я пристроился приживальщиком в поместье господина Пинъюаня. Там мне и удалось разузнать страшную тайну. Когда наши войска стояли под стенами Ханьдани и город едва не пал, господин Пинъюань созвал своих людей, моля о спасении, но никто не решился подать голос. В ту пору у него гостил проныра Су Дай, славившийся своим подвешенным языком. Он-то и вызвался сослужить службу. Я сперва счел его обычным хвастуном, но позже господин Пинъюань спьяну проболтался, как всё было на самом деле. Су Дай, взяв у него щедрую мзду золотом да самоцветами, тайно отправился к нашему канцлеру Фань Сую, чье слово для циньского правителя закон.

Чжан Ли перевел дух и продолжил:

— Су Дай нашептал Фань Сую: «Коли господин Уань возьмет Ханьдань и сокрушит Царство Чжао, его слава затмит всех. Тогда тебе, канцлер, и шагу ступить не дадут». Фань Суй ведь бежал к нам из Царства Вэй лишь ради того, чтобы отомстить. Чужак на циньской службе, он зубами цеплялся за высокое положение и смертно боялся потерять власть. Не смысла ничего в ратном деле, Фань Суй коварно убедил нашего правителя принять предложение Царства Чжао и Царства Хань о мире в обмен на земли. Из-за этого господину Уаню пришлось повергнуть побежденного врага в бегство и отступить, упустив верную победу. С тех пор между полководцем и государем пролегла тень недоверия.

— Все это крайне прискорбно, — Цзычу нахмурился, чувствуя, как невольно вовлекается в опасные придворные интриги. — Но причем здесь я и ваши поклоны? Вы ведь знаете, что я в Ханьдане — бесправный заложник и мало на что могу повлиять.

Княжич попытался поднять его под локти, но Чжан Ли упорно сопротивлялся, продолжая иступленно биться головой оземь, пока на камнях не проступили багровые пятна.

— Княжич, вы не понимаете! — в отчаянии воскликнул он, утирая со лба кровь. — Несколько дней назад у покоев господина Пинъюаня я прослышал, что господин Уань тяжело занемог и не может вести войска. Государь назначил воеводой Ван Лина и вновь двинул полки на Царство Чжао. Но ведь Ханьдань обороняет сам великий генерал Лянь По! Ван Лину с ним ни за что не сладить. Когда циньское войско потерпит неудачу, повелитель потребует, чтобы господин Уань превозмог болезнь и принял командование. Воины Царства Чжао, почуяв угрозу, снова подкупят Фань Суя, и тот оклеветает полководца перед троном. Жизнь нашего лучшего воина висит на волоске! Узнав об этом, я пошел на крайние меры. До меня дошли слухи, что вы забираете мать госпожи Чжао из дома чиновника, и я напросился в провожатые, надеясь встретиться с вами. О Небо, мои молитвы были услышаны! Я смог поведать вам правду!

— Но почему вы так уверены в худшем? — спросил Цзычу, до конца не понимая, о ком именно идет речь под титулом господина Уаня.

— Господин Уань покорил более семидесяти городов! — пылко заговорил Чжан Ли. — Его ратные подвиги столь велики, что поневоле вызывают у повелителя страх и зависть. Если государю продолжат нашептывать клевету, он не просто отстранит полководца — он прикажет ему умереть! И если верный слуга отечества погибнет от рук палача за свою преданность, как на это посмотрят сотни тысяч наших воинов? Великая Цинь держится на воинской доблести. Каждый наш юноша мечтает снискать славу в бою и заслужить титул мечом. Если они увидят, что верность вознаграждается петлей или ядом, дух армии падет! Прошу вас, княжич, пока ворота Ханьдани открыты, бегите на родину. Передайте мои слова государю и спасите жизнь великого человека!

Чжан Ли умолк, устремив на Цзычу полный отчаянной надежды взгляд.

Цзычу медленно кивнул. Слова о «семидесяти покоренных городах» расставили все по местам: под титулом господина Уаня скрывался не кто иной, как легендарный циньский бог войны Бай Ци.

В учебниках истории напишут, что великий полководец пал жертвой дворцовых интриг, а не вражеского меча. И если Чжан Ли прав, то гибель Бай Ци была чудовищной, вопиющей несправедливостью.

Упустить шанс спасти легендарного воителя Цзычу не мог. Он бережно, но крепко взял Чжан Ли под руки и помог ему подняться, а затем низко, с глубоким почтением поклонился ему:

— Благодарю вас за честность и смелость, господин Чжан. Ваша весть бесценна. Однако сейчас

мне придется просить вас на время затаиться. Продолжайте притворяться слугой, пока мы не найдем способ вырваться отсюда и вместе вернуться в Сяньян.

Однако Чжан Ли лишь печально покачал головой:

— Я глубоко признателен вам за доброту, княжич. Но господин Пинъюань дал мне приют, когда я едва не погиб с голоду. Выдать его тайны вам, пусть и ради спасения Царства Цинь, — это предательство. Я нарушил долг верности и не достоин больше топтать эту землю...

— Полноте! — резко пресек его малодушие Цзычу. — Вы сами сказали, что Фань Суй своим красноречием подчинил себе волю государя. Если мы явимся к правителю без твердых доказательств, с чего бы ему верить моим словам и сомневаться в преданности своего любимца? Ваша смерть сейчас — это глупость и трусость. Оставьте мысли о самоубийстве и возвращайтесь со мной. Вы должны лично подтвердить свои слова перед троном!

Чжан Ли заколебался, но Цзычу крепко сжал его плечи, заставляя смотреть себе в глаза, и твердо отчеканил:

— Решено. Без вашего свидетельства государь поддастся на уговоры клеветников, и господин Уань погибнет. Если это случится, кровь великого полководца падет и на вашу голову!

Советник понурил голову и смиренно вздохнул. Его прямая осанка в миг исчезла: плечи опустились, взгляд потускнел, а растрепанные после поклонов волосы придали ему настолько жалкий и забитый вид, словно княжич только что нещадно выпорол его плетью в этом безлюдном дворе.

Глядя на это преображение, Цзычу не сдержал короткого смешка. Решив подыграть беглецу, он нарочно заорал на весь двор:

— Ах ты, шелудивый пес! А ну пошел вон с глаз моих, пока я тебе кости не пересчитал!

После чего развернулся и уверенной, неторопливой походкой вышел за ворота.

Для Чжао Цзи томительное ожидание в душном экипаже показалось вечностью. Тревожные мысли не давали покоя, и сердце ее испуганно колотилось. Стоило Цзычу приоткрыть дверцу, как она тут же бросилась к нему на шею и крепко прижалась к его груди.

— Ну-ну, что стряслось? — ласково спросил он, поглаживая ее по спине.

Она робко заглянула ему в лицо и, заметив тень напускного гнева, жалобно протянула:

— Живот разболелся... Да и соскучилась я по вам, княжич, сил нет.

Девушка так и пылала здоровьем, и Цзычу сразу понял, что недомогание она выдумала. Впрочем, было очевидно: Чжао Цзи прекрасно осознавала, как сильно он дорожит будущим

наследником, и уже вовсю училась этим пользоваться.

Цзычу мягко перехватил ее ладонь, усадил к себе на колени и прижал к груди. Одной рукой он бережно коснулся ее еще совсем плоского живота и озвучил вопрос, который давно не давал ему покоя:

— Скажи мне, милая, когда у тебя закончились последние лунные истоки?

Чжао Цзи мгновенно побледнела, а затем залилась краской стыда и гнева. Она даже прикрикнула на него, срываясь на крик:

— В твою усадьбу я вошла в начале марта, а последние очищения закончились лишь двадцатого числа четвертого месяца!

Все сходилось один в один с датой рождения будущего императора Цинь Шихуанди!

Ровно двести восемьдесят дней — идеальный срок для вынашивания плода!

На губах Цзычу сама собой заиграла глуповатая, но счастливая улыбка. Поспешив успокоить разволновавшуюся женщину, он нежно обнял ее:

— Ну что ты, глупенькая, не сердись. В циньском дворе повитухи владеют тайным искусством счета. Я лишь хотел рассчитать, когда наш первенец явится на свет.

Она все еще смотрела на него исподлобья, не до конца веря оправданиям, и упрямо спросила:

— И когда же, по вашим расчетам, родится дитя?

— Двадцать седьмого числа первого месяца, — с абсолютной уверенностью ответил Цзычу.

«Надо же, — весело подумал он, — познания в акушерстве, которые я когда-то в шутку перенял у своего бывшего, всё-таки пригодились!»

<http://bllate.org/book/18277/1750273>